

МАСТЕРА
УРАСОВ

ED KURTZ

THE RIB FROM
WHICH I REMAKE
THE WORLD

МАСТЕРА
ЧАСОВ

ЭД КУРЦ

И СОЗДАЛ
ИЗ РЕБРА
Я НОВЫЙ МИР

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ГРИГОРИЯ ШОКИНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)
К93

Серия «Мастера ужасов»

Ed Kurtz

THE RIB FROM WHICH I REMAKE THE WORLD

This translation published by arrangement with the author
in association with Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского: *Григорий Шокин*

В оформлении использована иллюстрация
Валерии Евдокимовой и Ольги Зиминой

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2018 Ed Kurtz
© Григорий Шокин, перевод, 2021
© Ольга Зиминая, Валерия Евдокимова,
иллюстрация, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Он был монстром, созданным самой природой.

Кларк Эштон Смит. Чудовища в ночи

— Ад, конечно, есть.— Я слышу, как он это говорит, прямо сейчас, когда лежу на кровати, и она дышит мне в лицо, прижавшись всем телом.— Это такая серая пустыня, где от солнца нет ни тепла, ни света и где Привычка лежит вповалку с Желанием.

Это место, где смертное «хочу» обитает вместе с бессмертным «необходимо», и, когда наступает ночь, тьма оглашается стонами одного и экстатическими воплями другого.

Да, ад есть, мой мальчик, и совсем не надо его искать...

*Джим Томпсон. Дикая ночь*¹

---

¹ Перевод И. И. Мансурова.

ПРОЛОГ

Шарманка, с одной стороны, сражалась за право царствования с пронзительной каллиопой, с другой — порождала оглушительную и беспорядочную какофонию. Казалось, все это устроено на потеху одной лишь обряженной в феску мартышке, что творила свои ужимки и прыжки в ногах шарманщика — к вящей радости детей и столь же зримому неудовольствию взрослых. Тиму Дэвису было тошно: на смене он торчал несколько дней кряду, и ему чудилось, что сегодня скрипучий цыганский коловорот звучит отвратнее вчерашнего, хотя, казалось бы, куда хуже. Два дня назад Тим одарил цыгана выразительным взглядом, прямо говорящим: *ты мне не нравишься*. Но мужик в ответ расплылся в широкой улыбке-гнилозубке под грязной щеткой черных усов и сказал:

— Хорошо играть, да? Обезьяна говорит — хорошо!

Уходя прочь, загребая подошвами грязь и опилки, Тим припомнил, как накануне под вечер к нему

пришло осознание, что, если удавить проклятушую мартышку, больше не придется слушать шарманку цыгана. Каллиопу он как-нибудь потерпит — разве реальный цирк без нее обойдется? Обезьяны хороши для цирковых дел, но достать их куда проще. Он сам мог бы разжиться мелкой вертихвосткой хоть сегодня, если б захотел. Даже здесь, посреди гребаного ничто, в Арканзасе.

Видок у Тима, вероятно, был зело хмурый, потому что на полпути от каллиопы к импровизированному забору, огораживавшему подмости, из ниоткуда, словно призрак, вдруг материализовался Львиный Джек — и взревел:

— Ты чего нос повесил?

Это своего рода шутка — нос у Тима был маленький и приплюснутый, «повесить» его при всем желании не удалось бы. Он нахмурился еще сильнее. Силач остановился перед ним, как всегда, терпеливый, когда дело касалось реакции на его подначки: первая не прокатит — запускай вторую. Гладко выбритый, в пятнистой меховой тунике, он выглядел совершенно нелепо, но такая у него была роль. Похоже, только завершился его очередной номер — из палатки, полной местного отребья, еще неслись восхищенные вопли и другие, менее обнадеживающие звуки, указывающие на то, что кто-то перебрал с выпивкой и заблевывает опилки. Убирать, разумеется, придется Тиму. Боже, до чего мерзкая жижа текла из плоток этих сукиных детей!

— Что, опять Минерва не дает? — поинтересовался силач.

Эд Кури. И СОЗДАЛ ИЗ РЕБРА Я НОВЫЙ МИР

Минерва, Змеиная Леди — совсем не та дамочка, что страдала от жуткой хвори кожи и реально смахивала на рептилию, а простая заклинательница змей,— отказывала Тиму во внимании, не сменяя гнев на милость, грозилась даже пожаловаться, что он ее преследует. Тим порой проводил часы, дуясь и думая об этом. Иногда он подглядывал за ней через окно в ее маленьком деревянном трейлере; смотрел, как она развлекается с очередным, подцепленным днем неотесанным деревенщиной. Ей нравились мужики крепкие и высокие, и чем тупее — тем лучше. Тим, конечно, мог прикинуться тупым, но с низким ростом, костлявым телосложением и общей непритязательностью ничего поделать не мог. Даже на фоне цирковых уродцев и фриков он не выглядел красавчиком.

— Нет, не в этом дело.

Тим миновал шкафообразную фигуру Львиного Джека и направился к калитке в заборе. Закрыв за собой дверку, он поплелся к Палате Десяти Чудес. Неспешно заходило солнце — на открытых проселках всегда так, спрятаться особо не за что. Человек Скелет Хэл Уайт стоял снаружи тента, с сигаретой, прилипшей к бледной губе, и костлявыми пальцами листал детективный журнал. Как обычно, он был обнажен до пояса, всем гордо демонстрируя свой поразительно исхудалый, обтянутый бесцветной кожей торс.

— Шоу кончилось? — спросил его Тим.

— Ага. Так себе ночка.

— Что, толпа не собралась?

ПРОЛОГ

9

Хэл кивнул.

— Мальчик-волк не переставал плакать, и еще какой-то ублюдок так наакался, что аж вырубился...

Тим покачал головой. Хэл развел руками.

— Думаю, понадобится водица, чтоб все те куриные потроха, что он выблевал, смыть.

Скелет сунул одну из своих титульных карточек в журнал, чтобы отметить прогресс, печально глянул поверх страниц и достал сигарету из своего кармана. На карточке той его сценическая легенда значилась — ни слова правды в ней, естественно, не было.

— Минерва уехала в город, — сказал он.

— В какой еще город?

Хэл снова развел руками. Всякий раз, когда он так делал, кости на плечах выступали так резко, что оставалось гадать, как кожа не лопается.

— Да плевать мне на нее. Я хочу повидаться с Гарри.

Скелет проткнул воздух ужасно тонким большим пальцем.

— Там, — коротко бросил он. — Опять в лесу.

Отвернувшись от Хэла, Тим усталился в глухую чащу. Где-то там, за лесной чертой, среди чахлах и нагих вязов гулял Черный Гарри Эшфорд, единственный и неповторимый. Жестом поблагодарив Скелета за наводку, Тим помчался ему навстречу.

Хоть и будучи абсолютно уверен в том, что видел его среди теней, отбрасываемых густыми

Эд Кури. И СОЗДАЛ ИЗ РЕБРА Я НОВЫЙ МИР

ветвями, Гарри терял образ, когда смотрел прямо. Лишь краем глаза, на периферии, он зацеплял эту темную, невнятную форму, разгуливающую по лесу, да и то еле-еле. Поначалу напоминавшая человека, теперь она выглядела скорее собакой или козой. Гарри не смог бы сказать наверняка, не взглянув на нее прямо, но она исчезала без остатка, стоило ему лишь попытаться. Странные дела.

Фигура вошла во мрак, как накануне вечером и позавчера ночью. В первую ночь Гарри решил, что это он ее вызвал. У него был гримуар, он произнес все нужные слова:

Люцифер, Уир, Хамерон, Алисеон, Мандусин...

Прими, Ориет, Найдрус, Эсмони, Эпаринесон, Эстиот...

Думоссон, Данохар, Касмиэль, Хайрас...

Фабеллеронтон, Содимо, Пеатам...

Явись, Люцифер, явись.

Сказать семь раз и зажечь черную свечу.

Ну и чушь.

Он — волшебник, но банальные салонные трюки были его коньком, несмотря на запутанную и неопровержимо ложную генеалогию, предоставляемую зрителям в начале каждого выступления (наследник древнейшей династии чернокнижников и прочая чепуха в том же духе). Поначалу ему неизменно удавалось нагнать страху на детей и старух, но затем он переходил к карточным трюкам и ловкости рук и избитой подставе с «добровольцем» из аудитории, роль которого все чаще исполнял юнец Тим Дэвис — когда не подчищал за

гостями гнусь. Что ж, пусть только какой-нибудь глупец заявит, что его искусство — сплошь ерунда...

Но ведь так и есть. Чушь, ерунда, бессмыслица. Вся эта книга — сплошь пшик.

Но эта фигура!..

Гарри увидел ее снова в сгущающихся сумерках и теперь не повернул голову — аморфное нечто сохранилось в поле зрения. Вместо этого он сосредоточил взгляд на печати из гримуара у своих колен, выведенной в суглинке острием кинжала:

«*Мерлин недоделанный*», — усмехнулся он про себя.

Черный Гарри в самом деле. Ранее в Палате десяти чудес какой-то деревенщина с галерки крикнул: «Но он же ни разу не черный!» Конечно, так и есть. Однако он все равно снова и снова декламировал эту тарабарщину, и дурацкий символ был вырезан им в доброй сотне окрестных лесов. Что еще оставалось? Да и какой от этого вред?

Поднялся легкий ветерок и потревожил темную плеть ветвей — кривых ведьмовских пальцев, цеплявшихся друг за дружку. Легкий, но влекущий за собой ощутимый холод — и в кратком порыве сдул очертания печати, оставив одну грязь.

Эд Кури. И СОЗДАЛ ИЗ РЕБРА Я НОВЫЙ МИР

В сердце помраченной чащи фигура, трепетавшая на самом краю поля зрения Гарри, вдруг изменила форму, вняв этому порыву.

Явись, Люцифер. Явись.

Тим тоже видел эту фигуру, но принял ее за лесное животное — оленя, к примеру. На мгновение он замешкался, раздумывая, может ли в хилых лесах Арканзаса сыскаться кто-то более опасный — медведь или вепрь. Но фигура будто отпрянула от него сама, об угрозе не было и речи. Через минуту он уже забыл о ней. Все его мысли вращались вокруг Гарри.

Волшебник сидел на земле, скрестив ноги. Его окружала гниющая лесная подстилка — все выглядело так, будто он восстал из собственной могилы. Глаза Гарри были закрыты, книга в темном кожаном переплете лежала на коленях. Старик, похоже, дремал. Тим быстро прикинул в уме, стоит ли рискнуть и разбудить его.

А потом Гарри распахнул глаза так быстро, словно его веки попросту испарились. С негромким вскриком Тим отшатнулся.

— Гарри?

Губы волшебника приоткрылись, сперва чуть-чуть. Затем челюсть резко пошла вниз, будто оттягиваемая чем-то снизу, и рот Гарри превратился в бездонный и темный колодец, в котором Тим, как ни старался, не мог разглядеть даже зубы.

— Гарри, это я, Тим!

ПРОЛОГ

13

Гарри Эшфорд тихо зарычал. Звук был едва различим за шелестом древесных крон, растревоженных вдруг поднявшимся ветром. За спиной Тима кто-то аккуратно ступал по опавшим листьям. Он сразу обернулся на звук, и на мгновение ему показалось, что за стволом больного на вид дерева сидит чья-то сгорбленная фигура. На деле там никого не было.

Ему пришла в голову мысль, необъяснимая в своей бредовости, что шарманщикова мартышка забралась сюда, сбежав за ним; он даже ухмыльнулся. Быть такого не может. Тим повернулся обратно к Гарри.

И охнул. Глаза старика стали желтыми, цвета гноя. Зрачки сжались до черных точек. Рот был раззявлен на небывалую ширину, подбородок уперся куда-то в основание шеи. *Опять свои трюки выкидывает*, подумал Тим. *Старый дурак решил меня испугать*.

Старому дураку такое удавалось раньше с легкостью.

Взяв себя в руки, Тим произнес:

— Пошли, Гарри, тут тебе не подмости, и все зрители разошлись...

Он едва успел сказать это, прежде чем Гарри вскочил и бросился на него. Из рта, ставшего темным провалом, неслись нечеловеческие звуки; пальцы острыми ногтями впились парню в щеки. Закричав, Тим рухнул на спину, споткнувшись о спрятанную среди листвы корягу. Гарри в мгновение ока сел на него сверху.

Эд Кури. И СОЗДАЛ ИЗ РЕБРА Я НОВЫЙ МИР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УБОЛТАЙ,
ПОТОМ ПРОДАЙ